

Рецензии

АЛЕКСЕЙ Л. АНДРЮШИН¹

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID 0000-0002-4341-5279

«Пошел по солому, а принес мякины»: амбивалентность власти как противоречие в последствиях действий хозяйствующих субъектов

Рецензия на книгу: The
Ambivalence of Power in the Twenty-
First-Century Economy Cases from
Russia and beyond. London.
V. V. Radaev, Z. V. Kotelnikova (ed.):
UCL Press, 2022²

185

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-185-196

В июле 2022 года вышла коллективная монография The
Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases

-
- 1 Алексей Л. Андрюшин — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Научные интересы: социология религии, моральная экономика, хозяйственная этика мировых религий. E-mail: andryuschin.alexei@yandex.ru
Alexei L. Andryushin — Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Higher School of Economics. Research interests: sociology of religion; moral economy; economic ethics of world religions. E-mail: andryuschin.alexei@yandex.ru
 - 2 Работа над рецензией велась в рамках проекта Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ «Социально-экономические стратегии населения по совладанию с кризисом» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2023 г.).

from Russia and beyond под редакцией В. В. Радаева и З. В. Котельниковой в издательстве Университетского колледжа Лондона. Эта работа не просто описывает кейсы властных отношений, а их концептуализирует, и концептуальной рамкой здесь выступает понятие *амбивалентности власти*. Более того, в ней представлены ключевые социально-экономические тренды на примере российских и зарубежных кейсов с применением различных методик анализа данных и актуальными для каждого случая теоретическими подходами. Однако эта работа может быть недоступна русскоязычному читателю, так как она написана на английском языке, поэтому мы видим необходимым кратко описать содержание книги.

Редактор серии Fringe, профессор Алена Леденева во введении к книге пишет, что само понятие амбивалентности переключалось в социологию из психологии, где оно было впервые употреблено в начале 1910-х швейцарским психиатром Ойгеном Блейлером. В Оксфордском словаре оно определяется как «сосуществование в одном человеке глубоко противоположных эмоций, убеждений, отношений или побуждений (таких как любовь и ненависть, или влечение и отвращение) по отношению к человеку или предмету» [Ledeneva 2022: xx]. Социологические же интерпретации амбивалентности принадлежат Роберту Мертону и Зигмунту Бауману. Первый понимал ее как несовместимые нормативные ожидания в отношении взглядов, убеждений и поведения [Ibid.] в связи с тем, что «любое действие можно рассмотреть с точки зрения “того, что достигается”, и “того, что не удастся достичь”» [Мертон 2006: 327]. Мертон приводит пример врача, исполняющего свой профессиональный долг, который должен быть одновременно пристрастным и беспристрастным к своему пациенту в силу налагаемых социальными структурами на медика правил [Merton 1976: 6-7], то есть он должен испытывать к пациенту некоторое сочувствие, оказывая ему поддержку, и в то же время подходить к пациенту отстраненно, не выделяя его среди других. В данном случае прослеживается влияние его наставника по структурному функционализму — Толкотта Парсонса, который понимал концепцию профессионального типа как «отстраненного от “личного интереса с ложной дихотомией конкретных эгоистических и альтруистических мотивов”» [цит. по: Абрамов 2005: 56]. Соответственно, амбивалентность здесь представляет собой не столько слом социальной структуры, сколько ее оборотную сторону, когда происходящее несоответствие становится необходимым условием существования тех или иных элементов (например, профессионального статуса), а не аномией. Именно в работах Мертона присутствует различие явных и латентных функций. Иной взгляд предлагается Зигмунтом Бауманом, который рассматривает амбивалентность как «возможность отнесения

объекта или события к более чем одной категории» [Bauman 1993: 1], то есть как феномен неопределенности в вопросе классификации различных социальных явлений. Ключевым здесь является то, что амбивалентность ведет к разрушению социального порядка, когда определенное становится неопределенным, потому что она несет «полярность и колебательные изменения» [Ledeneva 2022: ххi]. При этом именно противоречивость и полярность феноменов социальной реальности отличают амбивалентность от неоднозначности (*ambiguity*), предполагающую многогранную и многозначную природу явлений [Kotelnikova, Radaev 2022: 2].

Другим фундаментальным концептом, вокруг которого строится логика рецензируемой монографии, является власть. В социальных науках устоялось понимание, что этот феномен отличается многогранностью (*multifaced*). Одной из наиболее распространенных версий остается модель трехликой власти по своим функциям (власть как прямое принуждение к действию; власть как недопущение какого-либо действия и власть как скрытое влияние) Стивена Льюкса, в которой автор предлагает следующую модель власти: «А осуществляет власть над В, когда А воздействует на В таким образом, который противоречит интересам В» [Льюкс 2010: 58]. Радаев и Котельникова предлагают выстроить работу не над усовершенствованием дополнительных измерений и факторов власти, а работать именно в границах амбивалентности власти, то есть двойственности и противоречивости, в фокусе современной экономической жизни. Такой подход нам близок, так как он направлен на операциональное использование концепта, который позволил бы объяснять феномены социальной реальности, которые редко имеют только явные функции в терминологии Мертон.

Однако, на наш взгляд, авторы концентрируются на атрибутах власти, то есть на внешних свойствах, а не на внутреннем содержании этого термина. Соответственно, перейдя от одного атрибута к другому, вопрос, что значит осуществлять власть, не решается, как это было сделано в работе Льюкса. Следовательно, амбивалентность и власть в обозреваемой книге сосуществуют автономно друг от друга.

Для нас важным достижением философского осмысления власти является сосредоточенность не столько на акторах, сколько на действии, потому что ее лучше всего в гносеологическом смысле рассматривать не как способность (как это было у Льюкса), а как социальные отношения, задействующие определенные силы: «Проще всего наблюдать власть в отношениях двоих людей, но власть одного человека над другим может предполагать, что за одним из них стоят превосходящие ресурсы, прямо не задействованные в отношении, но имплицитированные в нем» [Филиппов 2019: 143].

Для экономической социологии крайне важно вести речь о ресурсном подходе к власти, потому что в этом раскрываются возможности различных акторов в установлении власти, а также в ее противоречии, когда наличие этих самых ресурсов вовсе не означает возможность властвовать. В этом смысле наиболее точной является Ханна Арендт, предполагающая различие между властью и насилием как формой легитимного господства в виде согласованных действий субъектов, с одной стороны, и использованием прямого воздействия в виде силы, с другой стороны [Арендт 2014: 8, 51]. Такое понимание этих понятий позволяет как раз таки перейти к определению власти как отношения, стоящего за субъектами и переходящего в асимметрию возможностей. А именно такая асимметрия позволяет нам проследить, каким образом возможна амбивалентность этой самой власти. Характерный пример приводит сама Арендт: «...изобилие богатства может ослаблять власть» [Арендт 2014: 16].

Теперь мы перейдем к обзору кейсов данной монографии, раскрывающих амбивалентность власти на разных примерах как в России, так и за ее пределами. Всего здесь представлено 16 материалов, раскрывающих разные аспекты современной жизни, которые сгруппированы в три раздела.

188

Первая часть кейсов относится к макроуровню и сосредоточена на описании роли государства в экономике, когда различия в объеме власти (будь то ее централизация или децентрализация) приводят к противоречивым последствиям для дальнейшего развития субъектов экономики. Так, профессор Марек Домбровский предлагает рассмотреть взаимосвязь между экономическим ростом и свободой в странах, имеющих посткоммунистический опыт. Главная проблема здесь заключается в том, что крах такого рода режимов в конце прошлого века по политическим причинам привел к весьма твердым убеждениям о постепенной демократизации этих обществ и улучшении в этой связи их экономического благосостояния. Однако на примере стран бывшего СССР и Восточной Европы мы видим, что начались обратные процессы, как минимум политические, когда возник процесс реставрации автократий на этих территориях. Автор предлагает этому феномену следующее объяснение: политическая власть в силу своей амбивалентности становится в случае отсутствия инструментов сдерживания «движущей силой частных интересов (включая экономические) правящей элиты» [Dabrowski 2022: 32].

Алексей Победоносцев развивает эту тему, сравнивая механизмы сбора ренты на примере России и Венесуэлы, ассоциируя их с так называемыми государствами-рантье, позиции которых принято описывать в терминах ресурсного проклятия, что означает наличие доходов от экспорта природных ресурсов, которое «имеет тенденцию

нести различные пагубные последствия для политического и экономического развития богатых ресурсами стран» [Pobedonostsev 2022: 36]. Автор предлагает сместить фокус в триаде «создание ренты — сбор ренты — перераспределение ренты» с последнего на второй. Именно здесь он находит противоречия в трансформации ресурсной ренты в доход государства. Сравнивая Россию и Венесуэлу, он говорит, что изначально у этих стран был близкий путь развития в виде обогащения в начале 2000-х и, как следствие, усиления авторитарного управления. Однако в России политическому руководству удалось не только извлечь максимально возможные преференции от нефтяного бума начала века, но и минимизировать риски от ресурсного проклятия в виде ослабления государства, в то время как Венесуэла потеряла монополию на сбор и перераспределение нефтяной ренты. В 2010-е годы Россия все-таки оказалась в стагнации из-за международных проблем и эрозии институтов.

В вопросе взаимодействия государства и рынка Александр Куракин и Александр Никулин рассматривают трансформацию российского агробизнеса в условиях перехода к капиталистическим институтам в конце XX века. Оказывается, что сельскохозяйственный бизнес способствует развитию социального капитала среди местных жителей за счет их вовлечения в этот бизнес. Данная работа оспаривает позицию, что агробизнес может только лишь эксплуатировать работников и отнимать у людей собственность, не создавая симбиотических сетей. Соответственно, они предлагают многофакторную классификацию такого рода деятельности, говоря о разнообразии в сфере контактов государства и бизнеса.

Завершает этот блок статья Леонида Косалса о легитимации инноваций. Автор исходит из посылки, что социальная амбивалентность связана с двумя феноменами: с одной стороны, с социальными изменениями, а с другой стороны, с сопротивлением им. Соответственно, технологические новинки могут как улучшать и оптимизировать жизнь людей, так и приводить к дезориентации и неопределенности в системе ценностей. На примере искусственного интеллекта (ИИ) автору удается рассмотреть, как четвертая промышленная революция с ее гибкостью и индивидуализацией влияет на опасения людей относительно экономических перспектив (в частности, по вопросам безработицы, неравенства и в целом распределения благ). Косалс приходит к выводу, что внедрение инноваций приводит в действие работу социального иммунитета, замедляющего или даже останавливающего модернизацию. Амбивалентность власти снижает действие социального иммунитета и может приводить к негативным последствиям, вопреки процессам легитимации инноваций. Это означает, что в случае рассогласования намерений различных акторов внедрение новых технологий

становится менее понятным процессом для общества. Примером чего у автора служит внедрение системы распознавания лиц в разных странах, когда в одних странах есть четкая стратегия их развития (отказ от них в пользу прав человека в Канаде или активное их развитие в Китае), а в других возникает напряжение (в связи с правовым плюрализмом в России или в связи с децентрализованной правовой системой в США).

Во втором, наиболее объемном блоке статей рассмотрена тема борьбы за власть в экономике на материале различных организаций как групп, а не институтов. Мы условно разделили этот раздел на две части: фокусирование на отдельных организациях и фокусирование на отдельных аспектах организационных (групповых) отношений.

Андрей Шевчук и Денис Стребков предлагают рассмотреть рынок фрилансовых услуг в рамках стремительно разрастающегося феномена «гиг-экономики». Важной частью этой структуры является их неформальность, то есть нахождение в теневом секторе экономики, где государство не видит деятельность таких акторов. Их вывод состоит в том, что амбивалентность власти проявляется в следующем: платформы не могут получать доход от инвестиций в инфраструктуру, потому что фрилансеры выводят деньги за их пределы, при этом последние хотят добросовестного исполнения контрактов, избегая заключения официальных договоров, чтобы уйти от госконтроля.

190

Работа Елены Богдановой посвящена муниципальному арендному жилью в Швеции, на рынке которого действуют одновременно два режима: «муниципальные жилищные компании по-прежнему несут ответственность за создание и поддержку жилья как общественного блага, но обязаны действовать как фирмы, ориентированные на получение прибыли» [Bogdanova 2022: 171]. Такая ситуация приводит к исключению арендаторов из вопросов консультаций по выбору жилья, в результате чего те ищут пути обхода тех тем, где не могут принимать активное участие. Они выбирают стратегию «дырявых черных ящиков» (leaky black boxes), то есть пытаются уйти от темы повышения стандартов к вопросу качества и долга как исчисляемым категориям, а также переводят дискуссию с управляющими компаниями в протестную плоскость — эти меры по факту становятся инструментами для снижения асимметрии во власти между жильцами и компаниями.

Коллектив авторов в лице Марии Тысячнюк, Сары Тейтельбаум, Андрея Петрова и Лии Горовиц рассматривает вопрос о частной власти рынков на примере лесного хозяйства и нефтяной промышленности. В этих сферах, по словам авторов, активно внедряется система добровольного предварительного и осознанного согласия.

В результате органы местной власти стали агентами институциональных изменений, в частности активного внедрения корпоративной социальной ответственности в соответствующих компаниях. Главной проблемой в этой позиции является противодействие со стороны промышленных компаний, привыкших к местным устоям в противовес глобальным правилам. Результатом этого несоответствия интересов становится возрастающая роль индивидуальных акторов.

Иван Павлуткин и Анастасия Макарьева рассматривают положение университетов в перспективе их репутации на примере глобальных рейтингов. Рейтинги в связи с повсеместным их использованием стали инструментом оценки эффективности вузов, при этом важной проблемой является их восприятие университетскими корпорациями, осознающими множество методологических и этических проблем глобального ранжирования. Приводит это к тому, что национальные и региональные университеты вступают в глобальную академическую гонку, однако такая ситуация создает определенное напряжение, так как лидеры университетских рейтингов выбирают стратегию участия (*engagement*) в жизни государства, то есть являются лидерами национальной экономики, тогда как цель догоняющих университетов — занять место в рейтинге, улучшая свои показатели (*excellence*). Основная сложность для университетов второго типа заключается в том, что они не могут переключиться на стратегию вовлечения, так как существуют определенные нормативные ожидания в отношении их позиционирования, поэтому, соответствуя этим ожиданиям, они остаются в той же нише.

191

Елена Бердышева анализирует кейс с онкологическими заболеваниями, которые стимулируют усиление власти государства через медиализацию общества. Медицинская практика показывает, что сегодня эффективнее будет улучшать качество жизни онкобольных, то есть развитие паллиативной медицины, тогда как создание противораковых лекарств не является эффективным решением, однако российское руководство идет именно вторым путем. Главное противоречие здесь кроется в интересах представителей государственного управления. Они направлены, прежде всего, на консолидацию с фармакологическими компаниями. Это, конечно, приводит к тому, что рядовые пациенты могут получить инновационные препараты от государства, однако отсутствие дифференцированной системы помощи дает лишь сиюминутные эффекты. Из-за этого происходит неэффективное распределение средств, так как вместо дорогостоящих лекарств можно было бы развивать альтернативные механизмы помощи. В результате ситуация складывается таким образом, что государство показывает успехи в области развития

лекарственных препаратов, демонстрируя свои успехи внешнему миру, однако качественного улучшения помощи онкобольным не происходит.

Еще один организационный взгляд демонстрирует нам работа Тамары Кусимовой на примере российского импортозамещения в условиях санкций в середине 2010-х гг. Здесь амбивалентность строится вокруг понятия об аутентичности продукции, произведенной как заменитель ушедшим торговым маркам сыра, то есть между дилеммой национального и глобального. Автор приходит к такому выводу, что рыночная логика и сельский популизм в странах Центральной и Восточной Европы содействует изменению понятий о «своем» и «чужом», результатом чего становится появление на полках магазинов русского пармезана. В этом контексте Кусимова предлагает две стратегии повышения символической ценности продукции, используемых российскими фермерами. Первая — ностальгический перформанс — сингуляризируется через отсылки к истории и культуре России, а вторая стратегия предполагает создание различий между уникальными товарами, улучшающими здоровье, и продукцией больших корпораций, которые производятся массово. Таким образом, уникализация через национальное и локальное становится определенной манипуляцией со стороны отдельных фермеров-производителей для привлечения внимания государства и покупателей, где они противостоят агрохолдингам.

192

Далее мы рассмотрим три аспекта организационных отношений. Вадим Радаев рассматривает оппортунизм на примере межфирменных отношений между поставщиком и ритейлером среди российских компаний. Он говорит о несоблюдении правил как особой форме злоупотребления властью, что является, по мнению автора, следствием неспособности торговых партнеров справиться с амбивалентностью отношений обмена. Радаев фокусируется на явных нарушениях договорных обязательств. Среди предпосылок оппортунизма автор выделяет высокий уровень конкуренции и неопределенность окружающей обстановки, использование зависимого положения партнера, тогда как долгосрочные устойчивые связи снижали уровень оппортунизма. При этом не было зафиксировано использования политических связей для улучшения своих переговорных позиций. К значимым последствиям межфирменного оппортунизма, приводящим к конфликтам, автор относит уровень рыночной конкуренции и уровень переговорной силы. При этом в последние годы частота конфликтов снижалась за счет сдерживания контрагентами оппортунистического поведения, что, по мнению автора, может говорить о снижении значения амбивалентности отношений обмена. Другим аспектом организационно-групповой амбивалентности является абьюзивность. Евгения Балабанова

показывает, что власть позволяет организациям мобилизовывать ресурсы для достижения определенных целей. Но при этом же она становится проявлением враждебного поведения на межличностном уровне, в результате этого возникают индивидуальные психологические проблемы и трудности в солидаризации коллектива, из-за чего эта самая власть становится дисфункциональной относительно достижения целей. И, наконец, третий аспект предлагает рассмотреть Зоя Котельникова в своем исследовании о контрафакте и его делегитимации. С начала 1990-х годов объемы контрафактной продукции в России росли, в связи с чем международные корпорации вводили меры по его пресечению. И только к концу 2000-х годов произошло падение этого показателя до 10-20%. Автор концентрирует свое внимание на том, что не только государство способно издавать законы и осуществлять их посредством правоохранительной деятельности, но и корпорации могут изменять направления государственной политики, лоббируя защиту своих интересов, и формировать общественные настроения. Интересен здесь тот факт, что контрафакт не является однозначно негативным феноменом, так как может повышать узнаваемость брендов, а борьба с такой продукцией — снижать желание покупателей приобретать товары компании, чтобы не купить подделку. Эта амбивалентность приводит, следовательно, к ситуации, что компании не могут действовать от своего имени, поэтому они вступают в альянсы и посредством деловых ассоциаций обращают внимание потребителей на проблему. Здесь показателен случай, когда на начальном этапе борьбы с контрафактом компании прибегали к помощи полиции, чтобы найти юридические компании или частные охранные предприятия, которые могли бы соответствующим образом обеспечить интересы фирмы. Подобные компании и предприятия, в свою очередь, имели некоторые контакты с государством, чтобы осуществлять свои правовые функции. Поэтому власть становится многомерной не только по своим функциям, как это было у Льюкса, но и по акторам, вовлекаемым во властные отношения. Автор делает вывод, что ключевым моментом выступает проявление власти «снизу вверх», то есть от корпораций (прежде всего, глобальных) к государству, хотя и обратная модель не отрицается.

Третья часть книги описывает случаи микровзаимодействий, когда агенты перестраивают властные отношения, борясь за свою автономию. Она начинается со статьи Регины Решетевой о соотношении потребления и сложившейся политической конъюнктуры. Именно экономические проблемы заставляют граждан задумываться о справедливости текущего экономического порядка и стоящего за ним политического режима. Амбивалентность власти здесь проявляется в категории потребительского цинизма, в котором

заключено недоверие к старому опыту из-за его негативного характера, но при этом возникает боязнь будущего. Тогда формируется запрос на государственную поддержку, но ее отсутствие продвигает только лишь деполитизацию граждан из-за двойной фрустрации.

В работе Маши Денисовой предлагается рассмотреть кейс доул (*doulas*), то есть компаньонов в сопровождении родов. В связи с тем, что роды в современной России сильно медикализованы и бюрократизированы, желание женщин получить больше контроля за родами и своим телом приводит к необходимости для них привлечения во время родов помощника, осуществляющего услуги по консультации рожениц. Несмотря на ряд позитивных последствий этого феномена, сам статус доул остается маргинальным (промежуточным), поэтому нахождение их вне официальной медицинской системы порождает сложности при взаимодействии с различными акторами, так как непонятно, какое положение они занимают и каким набором прав они обладают. И третьим, главным моментом напряжения является распределение власти и ответственности в процессе родов. Так как медицина в силу исторических предпосылок оказывается областью с сильной властью и экспертностью врача, то вмешательство «сторонних» участников может ставить его авторитет под сомнение. И самое ценное, что фиксирует эта работа, — это реконструирование позиций власти врача в связи с появлением новых рыночных услуг, так как у него появляется конкурент, который эту власть способен разделять, протестуя против эмоционального и психологического давления на пациента. Соответственно, это выводит доул за рамки коммуникации с врачом, если тот пожелает от нее уклониться.

194

Завершает книгу работа Дарьи Лебедевой о правах и свободах молодых москвичей в вопросах экологии. Для большинства россиян характерны патерналистские модели поведения, государство же при этом не определяет конкретных экологических целей. Но для определенной группы лиц экологическая повестка становится все более волнующей, поэтому автор задается вопросом, почему это происходит, если сам по себе вопрос в общественном дискурсе второстепенен. Ответ кроется в амбивалентности экологической деятельности, являющейся и морально-нейтральной проблемой, и полем политической идентификации молодежи. Именно экологическая деятельность становится сферой расширения прав и политических возможностей молодежи, через которую она демонстрирует и другие свои запросы.

Подводя итоги, мы можем сказать, что главным достоинством рецензируемой монографии является осмысление экономико-социальных категорий не просто в перспективе власти, а в свете ее парадоксальных проявлений (амбивалентности) на материале

различных кейсов. Рассмотрение этого феномена на трех уровнях (институциональном, организационном и микроуровне) придает работе структуру: продемонстрировано, что власть приобретает не столько новые формы, сколько возможности рассмотрения ее проявления в отношениях между различными акторами как в политической, так и в экономической плоскостях. Однако, на наш взгляд, при достаточно глубокой разработанности понятия амбивалентности, концепт власти становится не обобщающим для всех работ, а скорее разъединяющим их из-за неконсистентности его понимания разными авторами. Разнообразие подходов к анализу социально-экономических отношений приводит к разночтениям в понимании власти: власть как отношения между различными акторами, власть как господство одних над другими и др.

Библиография / References

Абрамов Р. (2005) Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса). *Социологические исследования*, 1: 54-66.

— Abramov R. (2005) Professional complex in the social structure of society (based on the works of T. Parsons). *Sociologicheskie issledovaniia*, 1: 54-66. — in Russ.

Арендт Х. (2014) *О насилии*, М.: Новое издательство, 2014.

— Arendt H. (2014) *On Violence*, М.: Novoe izdatel'stvo. — in Russ.

Льюкс С. (2010) *Власть: Радикальный взгляд*, М.: ИД ВШЭ.

— Lukes S. (2010) *Power: A Radical View*, М.: HSE. — in Russ.

Мертон Р. (2006) *Бюрократическая структура и личность*. Социальная теория и социальная структура, М.: АСТ.

— Merton R. (2006) *Bureaucratic Structure and Personality*. Social theory and social structure, М.: AST. — in Russ.

Филиппов А. (2019) Власть. *Философские науки*, 62(10): 139-159.

— Filippov A. (2019) Power. *Filosofskie nauki*, 62(10): 139-159. — in Russ.

Bauman Z. (1993) *Modernity and Ambivalence*, Oxford: Polity Press.

Bogdanova E. (2022) Power struggles and quality construction in the market for municipal rental housing in Sweden. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Dabrowski M. (2022) Interrelation between economic freedom and democracy: The case of post-communist countries. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Ledeneva A. (2022) Preface. Ambivalence: practices, patterns and particles of power. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Merton R. (1976) *Sociological Ambivalence and Other Essays*, New York: Simon and Schuster.

Pobedonostsev A. (2022) The pitfalls of rent-seeking: Alternative mechanisms of resource rent collection in Russia and Venezuela. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Kotelnikova Z., Radaev V. (2022) Introduction. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Рекомендация для цитирования:

Андрюшин А. Л. (2023) «Пошел по солому, а принес мякины»: амбивалентность как противоречивость последствий действий властвующих субъектов в хозяйственной жизни общества. Рецензия на книгу *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*. London. V. V. Radaev, Z. V. Kotelnikova (ed.): UCL Press, 2022. *Социология власти*, 35 (3): 185-196.

For citations:

Andryushin A. L. (2023) “He Walked on Straw, but Brought Back Chaff”: Ambivalence of Power as a Contradiction in the Consequences of the Actions of Economic Entities. Book Review: *The Ambivalence of Power in the Twenty-first-century Economy Cases from Russia and Beyond* (2022), V.V. Radaev, Z.V. Kotelnikova (Ed.). London: UCL Press. *Sociology of Power*, 35 (3): 185-196.

196

Поступила в редакцию: 19.03.2023; принята в печать: 15.08.2023

Received: 19.03.2023; Accepted for publication: 15.08.2023